

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2412](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2412)



С. С. Бирюкова, В. А. Козлов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ И ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ

Правильная ссылка на статью:

Бирюкова С. С., Козлов В. А. Демографические исследования в современном контексте: долгосрочные тренды развития и влияние внешних шоков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 3—13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2412>.

For citation:

Biryukova S. S., Kozlov V. A. (2023) Demographic Research in Modern Context: Long-Term Trends and Impact of External Shocks. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 3–13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2412>. (In Russ.)

Получено: 11.04.2023. Принято к публикации: 24.04.2023.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ДОЛ- ГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ И ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ

БИРЮКОВА Светлана Сергеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; заместитель ответственного редактора журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»

E-MAIL: biryukova_s@wciom.com

<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

КОЗЛОВ Владимир Александрович — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт изучения Восточной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница, Регенсбург, Германия

E-MAIL: kozlov@ios-regensburg.de

<https://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

Аннотация. Во вступительной статье к специальному номеру, посвященному современным демографическим вызовам России, очерчен круг актуальных в сложившемся социально-экономическом контексте исследовательских вопросов и представлены статьи, вошедшие в выпуск. Авторы указывают на методологические трудности, связанные с оценкой влияния кризисов на ключевые демографические процессы. Основная сложность состоит в разделении эффектов, связанных с изменениями контекстных обстоятельств — внешнего шока и введенных в ответ на него мер социальной, демографической и эконо-

DEMOGRAPHIC RESEARCH IN MODERN CONTEXT: LONG-TERM TRENDS AND IM- PACT OF EXTERNAL SHOCKS

Svetlana S. BIRYUKOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow at the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy; Deputy Executive Editor at the “Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes” Journal

E-MAIL: biryukova_s@wciom.com

Vladimir A. KOZLOV³ — Cand. Sci. (Econ.), Research Associate

E-MAIL: kozlov@ios-regensburg.de

<https://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Russian Public Opinion Research Center, Moscow, Russia

³ Leibniz Institute for East and Southeast European Studies, Regensburg, Germany

Abstract. This editor's introduction to the special issue dedicated to Russia's demographic challenges outlines a range of research issues that are relevant in the current socio-economic context and presents the papers included in the issue. The authors point to methodological difficulties associated with assessing the impact of crises on key demographic processes. The main difficulty lies in separating the effects associated with changes in contextual circumstances, i.e., external shocks and the measures of social, demographic, and economic policies introduced in response to it, and long-term dynamics of indicators, that is, the demographic evolution

мической политики, — и долгосрочной динамики показателей, то есть демографической эволюции того или иного общества. На примерах отдельных работ показана возможная дифференциация кратко-, средне- и долгосрочных последствий различных шоковых событий на демографическое, экономическое и социальное развитие государств. Авторы отмечают, что высокая дифференциация демографических показателей по регионам России формирует запрос на исследования специфических черт демографического развития страны и отдельных ее регионов. Подобные работы — при погружении их в международную дискуссию — могут сформировать основу научной базы для разработки и обоснованного заимствования эффективных решений в области демографической политики.

Ключевые слова: демография, рождаемость, смертность, пандемия, демографические последствия социально-экономических шоков

Благодарность. Авторы выражают признательность Константину Казенину за помощь в работе над номером на всех этапах его подготовки. Светлана Бирюкова также благодарит за поддержку Программу фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

of a particular society. Basing on the examples of several studies, the authors show the possible differentiation of the short-, medium-, and long-term consequences of various shocks on the demographic, economic, and social development of states. The authors note that the high differentiation of demographic indicators across Russian regions demands studying specific features of the demographic development of the country and its individual regions. Such studies, when immersed in an international discussion, can form a scientific basis for the development and reasonable borrowing of effective solutions in the field of demographic policy.

Keywords: demographics, fertility, mortality, pandemic, demographic outcomes of social and economic shocks

Acknowledgments. The authors express their gratitude to Konstantin Kazenin for his help and meaningful advice in working on the special issue. Svetlana S. Biryukova gratefully acknowledges support from the Basic Research Program of the HSE University.

Вопросы демографического развития России уже на протяжении нескольких десятилетий находятся в фокусе национальной политики: задачи повышения рождаемости и снижения смертности населения, обозначенные в современных федеральных целевых программах, далеко не новы. При этом возможности влияния на демографическое поведение различными методами государственной политики вызывают вопросы, и в этой области по-прежнему существует дефицит надежных и методологически корректных научных исследований. Оценка эффектов от введения различных мер демографической политики как в России, так и в большинстве других стран осложняется тем, что их влияние трудно отделимо

от воздействия экономической динамики и происходящих в обществе ценностных трансформаций. На эти эффекты накладывается влияние различных внешних шоков — экономических, политических, социальных, эпидемиологических. Изучение сложной взаимосвязи данных факторов в России особенно актуально в настоящий момент, с учетом начавшейся в 2020 г. пандемии коронавируса и развернувшегося в 2022 г. российско-украинского конфликта.

Подобные шоки в краткосрочном периоде могут приводить к заметным изменениям в основных демографических процессах. Эпидемии и пандемии, экономические кризисы, военные конфликты и природные катастрофы изменяют периодные демографические показатели — это проявляется в реактивном снижении уровня рождаемости, росте смертности среди различных рискованных категорий, изменении миграционных паттернов. Несмотря на то что это не всегда приводит к перелому сложившейся долгосрочной динамики, социально-демографические последствия прошедших кризисов могут наблюдаться на протяжении длительного времени. Например, случившаяся около века назад пандемия гриппа «испанка», которую многие современные исследователи сравнивают с пандемией коронавируса, повысила смертность трудоспособного населения на относительно короткий период, однако ее последствия для социального и человеческого капитала ощущались в течение долгого времени. Об этом свидетельствуют исследования по отдельным странам, где уже в начале XX века существовали надежные статистические данные. Например, в Швеции избыточная смертность периода эпидемии не так сильно сказалась на рынке труда, где очень быстро происходила подстройка, однако ее последствия проявились в 1920-х годах через статистически значимый рост бедности, связанный с потерей кормильцев в результате сверхсмертности мужского трудоспособного населения [Karlsson, Nilsson, Pichler, 2014]. Для итальянских регионов отложенные последствия пандемии заключались в небольшом, но значимом снижении инвестиций в человеческий капитал (измеренный через длительность образования в годах) для когорт, переживших пандемию, а также — уже в рамках этих когорт — в снижении длительности получения образования по регионам, в большей степени затронутым пандемией [Percoco, 2016]. Примечательно, что эффекты пандемического шока могут проявляться в самых разных сферах жизни. Так, в работе [Aassve et al., 2021] показано, что уровень доверия среди потомков мигрантов из стран с более высоким уровнем смертности от «испанского гриппа» заметно ниже, чем среди потомков мигрантов из стран с низким уровнем смертности. Таким образом, подобные масштабные кризисы могут оказывать влияние на все сферы человеческой жизни — прямое или косвенное.

С социально-демографической точки зрения наибольший интерес представляет оценка влияния внешних, контекстных событий на два ключевых процесса, определяющих естественное воспроизводство населения: рождаемость и смертность — и разделение эффектов, связанных с их эволюционным течением, с одной стороны, и воздействием шоков, с другой. Часто именно это и представляет наибольшую методологическую сложность — корректное решение такой задачи требует специфических, как правило, индивидуальных (микроэкономических) данных, панельного дизайна обследования и использования современного математического инструментария.

Влияние эпидемиологических и социально-экономических шоков на рождаемость и смертность

Работы, касающиеся влияния текущей пандемии COVID-19 на рождаемость, активно публикуются в странах с доступной и надежной статистикой (см., например, обзор посвященных этому работ [Вакуленко, Макарова, Горский, 2022]). В проекте большого авторского коллектива, работающего с Human Fertility Database [Sobotka et al., 2022; Nisén et al., 2022], практически в режиме реального времени отслеживается ситуация с рождаемостью. На сегодняшний день сделать однозначный вывод о влиянии пандемии сложно: существенное падение показателей рождаемости через девять месяцев после начала активного распространения заболевания сменилось оптимистическим ростом, а затем — резким снижением. При этом в большинстве развитых стран, включая Россию, меры по противодействию COVID-19 совмещались с поддержкой семьи и детей, сильно различающейся по странам, что дополнительно затрудняет выявление влияния пандемического шока.

Как пандемия COVID-19, так и текущий российско-украинский конфликт могут оказать влияние на репродуктивное поведение через экономический (снижение уровня жизни и, следовательно, откладывание или отказ от рождений) или психологический механизм (снижение ощущения безопасности). Если второй сложен для исследования и — тем более — прогнозирования, то в отношении первого из них существует уже довольно объемный корпус эмпирических работ.

На основании информации о различных, в первую очередь экономических, кризисах Томаш Сobotка и соавторы показывают, что колебания рождаемости, как правило, краткосрочны и относительно незначительны [Sobotka, Skirbekk, Philipov, 2011]. Согласно проведенному ими систематическому обзору, динамика рождаемости имеет проциклический характер (действительно, периодные показатели снижаются во время экономического кризиса и спада), так как на репродуктивные намерения влияют ожидаемый доход, безработица и доверие потребителей. Однако к снижению рождаемости может приводить и политика сокращения расходов государственного бюджета в кризис, включая снижение расходов на семейную политику. Отметим также, что степень влияния трансформационного кризиса на рождаемость (в том числе и в реальных поколениях) в Восточной Европе, в частности в постсоветских странах, в научной литературе обсуждается до сих пор, так как на показатель воздействовало множество событий — методологически задача корректного разделения эффектов до настоящего времени не решена.

Снижение рождаемости в период кризисов часто приводит к компенсационному росту после их завершения. Известны отдельные случаи, когда такой рост провоцировал увеличение показателей в реальных поколениях (наиболее известный кейс — поколение беби-бумеров после Второй мировой войны). Однако все же очищенные от влияния возрастной структуры и временного эффекта показатели рождаемости в реальных поколениях, как правило, менялись незначительно, а в случае значимых изменений, как при появлении поколения беби-бумеров, не меняли долгосрочного тренда. При этом потери в войнах и пандемиях часто существенным образом искажали половозрастную структуру населения, что сказывалось на дальнейшей эволюции модели рождаемости.

При обсуждении рождаемости на фоне социально-экономической нестабильности важно отметить, что именно в периоды кризисов в государственной повестке нередко появляется пронаталистская риторика. Этому есть как минимум две причины. Первая из них — объективная необходимость поддерживать будущих родителей и семьи с детьми в условиях снижения доходов и нестабильности на рынке труда. Подобная неопределенность может приводить к откладыванию рождений и, следовательно, наблюдаемому в статистике снижению показателей рождаемости. Даже если впоследствии происходит компенсаторный рост и восстановление до уровня докризисных показателей, для государства это может стать проблемой: колебания в численности рожденных детей провоцируют появление «волн» нагрузки на детскую инфраструктуру, прежде всего на систему образования на всех уровнях, а в долгосрочном периоде они проявляются и в виде колебаний на рынке труда (изменения в численности занятых), в пенсионной системе. Это создает управленческие и экономические трудности, и попытка демпфировать воздействие шоков и снизить глубину спада в рождаемости — рациональная реакция государства. Вторая причина лежит в политической плоскости и связана с тем, что пронаталистская повестка может рассматриваться как позитивная — в противовес контексту кризиса. С исследовательской точки зрения это означает, что вопрос разделения эффектов различной природы при оценке влияния социально-экономических шоков на рождаемость будет всегда стоять перед учеными.

Безусловно, огромный научный и прикладной интерес представляет исследование влияния пандемии COVID-19 и последовавших социально-экономических шоков на смертность населения, в том числе (на текущий момент, вероятно, прежде всего) с точки зрения долгосрочных эффектов. Если снова обратиться к работам по прошедшей более века назад пандемии «испанского гриппа», то существенного роста смертности во взрослом периоде жизни для тех, кто пережил пандемию в младенческом возрасте или в утробе матери, не обнаруживается [Cohen, Tillinghast, Canudas-Romo, 2010]. В то же время согласно медицинскому исследованию, проведенному во Франции, не только специфические (в особенности тяжелые) стрессовые ситуации в детстве, но и большее их количество (повторяющиеся негативные события, которые вызывают кумулятивный эффект) являются значимыми предикторами смертности в более позднем возрасте, особенно для женщин [Johnson et al., 2020]. А анализ биографий родившихся в период Великой депрессии в США людей свидетельствует, что доходный шок может негативно сказаться на здоровье в раннем возрасте по целому ряду причин, включая отсутствие необходимого питания, стресс во время беременности, снижение доступа к медицинскому обслуживанию и сокращение посещений медицинских учреждений [Noghani-Behambari, Noghani, Tavassoli, 2020]. Как показывают авторы, государственные программы социального обеспечения могут нейтрализовать эффект шока доходов, и это еще раз подчеркивает важность государственной политики в период кризисов.

Любопытно, что при оценке эффекта современных экономических кризисов в Испании результаты получились противоположные: смертность от всех причин снизилась во время рецессии, особенно в группах с низким социально-экономическим статусом [Regidor et al., 2016]. По мнению авторов, это может

объясняться снижением распространенности курения и злоупотребления алкоголем, в том числе из-за проблем с их производством, снижением загрязнения окружающей среды и производственного травматизма, а также длительным лагом между ухудшением психологического самочувствия и его реальными негативными последствиями (суицид, смертность в результате стрессов). При этом при рассмотрении влияния перенесенного в детстве стресса на смертность именно во взрослом возрасте европейские данные не противоречат американским. Большое когортное исследование по Нидерландам подтверждает, что экономические условия в раннем возрасте влияют на смертность от всех причин для обоих полов [Yeung et al., 2014]. В большей степени влиянию данных условий подвержены женщины: серьезный экономический шок в раннем детстве приводит к снижению продолжительности жизни в возрасте 60 лет примерно на 4 % для мужчин и на 7 % для женщин.

Сокращение продолжительности жизни в России, особенно для женщин, во время пандемии коронавирусной инфекции сравнимо с колебаниями в этом показателе во время трансформационного экономического кризиса 1990-х годов. В настоящий момент динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении, по оценкам Росстата, вернулась на допандемийную траекторию, но при этом среднесрочные и долгосрочные последствия влияния COVID-19 на здоровье населения остаются неизученными. Влияние же начавшегося в 2022 г. российско-украинского конфликта на численность населения, динамику показателей здоровья (в том числе ментального) и другие демографические показатели пока не поддается количественной оценке — сколько-нибудь достоверный анализ станет возможным только со второй половины 2023 г., после публикации сведений о структуре и численности населения по возрастным группам. При этом влияние стресса и снижения уровня жизни в результате пандемии и российско-украинского кризиса — по большому счету перетекания шока в кризис — можно будет оценить лишь значительно позже, ретроспективно.

Названные в этом кратком обзоре работы показывают разнообразие направлений эмпирических исследований в сфере оценки демографических последствий внешних шоков в кратко- и долгосрочной перспективе, с учетом наблюдаемых в различных странах и регионах трендов развития. В этой статье мы не претендуем на исчерпывающий систематический обзор, а лишь приводим примеры для иллюстрации возможных направлений и прикладных вопросов. В России также появляются подобные работы, и ссылки на многие из них можно найти в вошедших в текущий номер журнала статьях. Тем не менее, с нашей точки зрения, здесь по-прежнему сохраняется дефицит эмпирических исследований по вопросам демографического развития, погруженных в национальный контекст и одновременно — в международную дискуссию, теоретическую и методологическую. Отличительной особенностью современных исследований станет необходимость учета (и разделения) эффектов сразу двух крупных шоков — пандемии коронавируса, последствия которой по-прежнему не до конца изучены и описаны, и связанных с российско-украинским конфликтом социальных и экономических изменений. Высокая дифференциация демографических показателей — как пространственная, то есть в региональном разрезе, так и среди различных групп

населения, — это еще одна особенность России. Анализ специфических черт демографического развития России и отдельных ее регионов, а также выявление универсальных тенденций в этой сфере может сформировать научную базу для разработки и обоснованного заимствования эффективных решений в области демографической политики.

Специальный номер «Демографические вызовы России: уникальные особенности или универсальные тренды развития?»

Цель специального номера журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» — развитие профессиональной дискуссии на тему особенностей демографического развития России, оценки демографической политики в целом и отдельных ее мер, а также возможных путей преодоления основных демографических вызовов с учетом современного экономического и социального контекста. Включенные в номер статьи не дают однозначных ответов на все актуальные вопросы, но приближают нас к ним, добавляя новые эмпирические факты и методологические решения к имеющимся знаниям о специфике российского демографического ландшафта и положения нашей страны на фоне других государств.

Серия представленных на страницах номера исследований посвящена изучению российской модели рождаемости — эта тема традиционно привлекает внимание демографов в самых разных странах и социально-экономических контекстах.

В статье Екатерины Митрофановой и Константина Казенина на основе данных выборочного телефонного опроса населения проанализированы изменения в рождаемости в трех регионах России: Республике Дагестан, Кировской и Тверской областях. Несмотря на различия в моделях рождаемости, во всех трех регионах авторы обнаружили снижение шансов рождения вторых детей при неизменных шансах рождения первенцев в 2021—2022 гг.

Алла Макаренцева и Светлана Бирюкова в своей работе оценивают динамику и устойчивость репродуктивных намерений российского населения, а также факторы их реализации с первой половины 2000-х годов до настоящего времени. Используя данные панельных выборочных обследований, авторы показывают, что уровень реализации определенных намерений был стабильным на всем периоде наблюдения и составлял около 40%. При этом ключевым фактором реализации положительных намерений оказывается партнерский статус и произошедшие в нем изменения, то есть личные, а не внешние контекстные обстоятельства.

Статья Ирины Калабихиной и Полины Кузнецовой посвящена исследованию эволюции структуры рождаемости по порядкам рождений в разных странах мира. Анализ данных международной базы Human Fertility Database подтвердил гипотезу авторов о наличии порядкового перехода в рождаемости, на первой стадии которого неоднородность женщин по числу рожденных детей снижается, а на втором — растет. При этом в работе показано, что восточноевропейский тип рождаемости на первой стадии характеризуется отказом от рождения детей старших порядков, а также вторых и третьих детей, в отношении которых на второй стадии перехода происходит компенсационный рост. Такая динамика прослеживается для поколений 1970-х годов рождения в Беларуси, России, Литве и Эстонии.

Исследование Марии Голевой рассматривает, как недавно ставшие родителями россияне осмысливают этот переход в контексте супружеских отношений. Опираясь на материалы серии глубинных интервью, автор раскрывает механику переоценки отношений в паре, выявляет основные составляющие этого процесса и обозначает не только возникающие риски, но и возможности для развития и укрепления партнерства.

Елена Пруцкова, Иван Павлюткин и Ольга Борисова в своей статье обращаются к теме взаимосвязи рождаемости и религиозности. Обработав данные трех волн Европейского исследования ценностей по России и ряду других европейских стран, исследователи показали, что уровень первичной религиозной социализации и поддерживающий религиозный контекст усиливают влияние индивидуальной религиозности на количество детей в семье.

В этой же рубрике представлен перевод главы Юхо Харконена, Санни Биллингс-лей и Марии Хорнунг «Тренды разводимости в семи странах в течение продолжительного транзита от государственного социализма: 1981—2004 гг.» из посвященной этой теме монографии. Перевод статьи с разрешения ее авторов подготовлен специально для журнала «Мониторинг общественного мнения» Владимиром Солонниковым. Проведенное в этой работе исследование микроданных по семи посткоммунистическим странам — Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России — показало значительную вариативность в эволюции разводимости в регионе, государства которого прошли масштабный социально-экономический кризис. В связи с этим авторы приходят к выводу, что влияние внешних шоков оказывается не универсальным, но в значительной степени контекстуально опосредованным.

Лишь одна из работ, вошедших в этот номер, напрямую касается вопросов здоровья населения — это статья Марины Карцевой и Полины Кузнецовой. В ней на данных Выборочного наблюдения состояния здоровья населения Росстата показаны две закономерности: люди с более высокими доходами реже становятся носителями хронических заболеваний и одновременно лучше справляются с шоками здоровья при их наступлении, что обеспечивает им более высокие показатели здоровья даже при наличии хронических заболеваний.

В условиях старения населения повышается актуальность исследований, посвященных пожилым, в частности их включенности в семейные и — шире — социальные связи и обмены. Именно этой теме касаются в своих работах Оксана Синявская, Владимир Козлов и Татьяна Гудкова, а также Анна Миронова. О. Синявская и ее соавторы проводят сравнительный анализ включенности пожилого населения России и Эстонии разной этнической принадлежности в межсемейный обмен финансовыми и инструментальными трансфертами. В статье показано, что принадлежность к этнической группе, отличной от наиболее многочисленной в стране, повышает вероятность участия в обмене финансовыми трансфертами, но, за редкими исключениями, не оказывает значимого влияния на вероятность участия в обмене инструментальными трансфертами и совсем не дифференцирует уход за внуками.

А. Миронова фокусируется на оценке распределения бремени родственного ухода за пожилыми и оценке связи такой нагрузки с трудовым поведением насе-

ления. Проведенный анализ показал, что доноры родственного ухода при прочих равных получают более низкие доходы от трудовой деятельности, меньше удовлетворены материальным положением своей семьи, своим здоровьем и жизнью в целом по сравнению с теми, кто не реализует родственной уход. При этом обнаруженные закономерности могут объясняться как ограничениями, которые накладывает активное включение в уход за близкими на вовлеченность респондентов в оплачиваемую занятость, так и селекцией в исследуемую группу: те индивиды, шансы которых быть занятыми на рабочих местах высокого качества относительно низки, могут добровольно брать на себя больший объем семейных обязанностей.

Наконец, отдельного внимания заслуживают работы, посвященные методологическим вопросам. Вошедшая в эту рубрику номера статья Елены Вакуленко посвящена оценке APC-моделей с применением различных методов решения проблемы идентификации для разделения эффектов возраста, периода и когорты в динамике рождаемости в России. По итогам проведенного анализа автор приходит к выводу, что наблюдаемое с середины 2010-х годов снижение рождаемости в нашей стране объясняется прежде всего когортными и возрастными изменениями, а не периодными, то есть контекстными.

В статье Валерия Юмагузина и Марии Винник предложены индексы для оценки качества региональной статистики смертности, которые, как показывают авторы, могут быть использованы при интерпретации наблюдаемых показателей и позволяют более точно оценивать динамику смертности в регионах России.

Несмотря на разнообразие представленных в номере работ, они, бесспорно, не охватывают все актуальные социально-демографические сюжеты и, вероятно, в большей степени касаются долгосрочной динамики ключевых процессов, а не оценки влияния недавних эпидемиологических, социальных и экономических шоков. Тем не менее мы надеемся, что эти материалы будут интересны широкому кругу профессионалов, работающих в академических исследованиях и прикладном поле.

Список литературы (References)

Вакуленко Е. С., Макарова М. Р., Горский Д. И. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 4. С. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>.

Vakulenko E. S., Makarova M. R., Gorskiy D. I. (2022) Reproductive Intentions and Fertility Trends in Different Countries During the COVID-19 Pandemic: An Analytical Review of Studies. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 4. P. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>. (In Russ.)

Aassve A., Alfani G., Gandolfi F., Le Moglie M. (2021) Epidemics and Trust: The Case of the Spanish Flu. *Health Economics*. Vol. 30. No. 4. P. 840—857. <https://doi.org/10.1002/hec.4218>.

Cohen A. A., Tillinghast J., Canudas-Romo V. (2010) No Consistent Effects of Prenatal or Neonatal Exposure to Spanish Flu on Late-Life Mortality in 24 Developed Countries.

Demographic Research. Vol. 22. Art. 20. P. 579—634. <https://doi.org/10.4054%2F-DemRes.2010.22.20>.

Johnson J., Chaudieu I., Ritchie K., Scali J., Ancelin M.-L., Ryan J. (2020) The Extent to Which Childhood Adversity and Recent Stress Influence All-Cause Mortality Risk in Older Adults. *Psychoneuroendocrinology*. Vol. 111. Art. 104492. <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2019.104492>.

Karlsson M., Nilsson T., Pichler S. (2014) The Impact of the 1918 Spanish Flu Epidemic on Economic Performance in Sweden: An Investigation into the Consequences of an Extraordinary Mortality Shock. *Journal of Health Economics*. Vol. 36. P. 1—19. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2014.03.005>.

Nisén J., Jalovaara M., Rotkirch A., Gissler M. (2022) Fertility Recovery Despite the COVID-19 Pandemic in Finland? *Finnish Journal of Social Research*. Vol. 15. P. 25—44. <https://doi.org/10.51815/fjsr.120361>.

Noghani-Behambari H., Noghani F., Tavassoli N. (2020) Early Life Income Shocks and Old-Age Cause-Specific Mortality. *Economic Analysis*. Vol. 53. No. 2. P. 1—19. URL: <https://www.library.ien.bg.ac.rs/index.php/ea/article/view/1285/1098> (accessed: 23.04.2023).

Percoco M. (2016) Health Shocks and Human Capital Accumulation: The Case of Spanish Flu in Italian Regions. *Regional Studies*. Vol. 50. No. 9. P. 1496—1508. <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1039975>.

Regidor E., Vallejo F., Granados J. A. T., Viciano-Fernández F. J., de la Fuente L., Barrio G. (2016) Mortality Decrease According to Socioeconomic Groups During the Economic Crisis in Spain: A Cohort Study of 36 Million People. *The Lancet*. Vol. 388. No. 10060. P. 2642—2652. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(16\)30446-9](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(16)30446-9).

Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 2. P. 267—306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>.

Sobotka T., Jasilioniene A., Zeman K., Winkler-Dworak M., Brzozowska Z., Galarza A. A., Nemeth L., Jdanov D. (2022) From Bust to Boom? Birth and Fertility Responses to the COVID-19 Pandemic. *SocArXiv*. August 22. <https://doi.org/10.31235/osf.io/87acb>.

Yeung G. Y. C., van den Berg G. J., Lindeboom M., Portrait F. R. M. (2014) The Impact of Early-Life Economic Conditions on Cause-Specific Mortality During Adulthood. *Journal of Population Economics*. Vol. 27. No. 3. P. 895—919. <https://doi.org/10.1007/s00148-013-0497-1>.